

Из истории русской литературы на несколько десятилетий было вычеркнуто имя замечательного поэта-акмеиста Владимира Ивановича Нарбута, бывшего когда-то другом Гумилёва, Мандельштама, Городецкого, Зенкевича и Ахматовой, которое возвратилось в российскую культуру только летом 1978 года – после того, как в шестом номере популярного в то время журнала «Новый мир» появилась биографическая повесть Валентина Петровича Катаева «Алмазный мой венец», в которой был выведен неповторимый образ этого поэта, упрямого под псевдонимом – колченогий.

У Нарбута действительно была заметная хромота, которую он получил в юные годы, наступив босой ногой на ржавый гвоздь и заработав таким образом себе гангрену, из-за чего ему вырезали правую пятку. Нарбут вообще как-то притягивал к себе всевозможные беды, которые то и дело перемежали собой его богатую яркую жизнь. Ещё в самом раннем детстве, когда он поливал дома из лейки цветочную клумбу, его отец – Иван Яковлевич – совершил одну очень глупую, просто-таки идиотскую шутку. Он тихонько подкрался со спины к своему малолетнему сынишке и неожиданно страшно и громко рывкнул ему в самое детское ухо, из-за чего тот настолько испугался, что с этого момента стал на всю жизнь заикой. После этого

в начале или в середине каждой произносимой им фразы он вдруг начинал спотыкаться и с напряжением повторял слово-вставку: «ото... ото...», – хотя, надо сказать, беспощадность его суждений от этого ничуть не смягчалась. «С точки... ото... ото... ритмической, – говорил он при обсуждении чьих-нибудь слабых стихов, – данное стихотворение как бы написано... ото... ото... сельским писарем».

В 1908 году окончив гимназию, Владимир Нарбут поступил в Петербургский университет и вскоре начал печататься в тамошних журналах. В 1910 году у него выходит первый поэтический сборник «Стихи» с пометкой: «1909 – год творчества первый» (Петербург, издательство «Дракон»). Книжка была оформлена его братом – художником Георгием, в неё входило 77 стихотворений, посвящённых любви, разлуке и пейзажам родной природы.

Критика встретила этот сборник весьма благосклонно, он не затонул в литературном потоке, его заметили. О сборнике написал несколько сочувственных слов Валерий Яковлевич Брюсов, заметивший, что: «Господин Нарбут выгодно отличается от многих других начинающих поэтов... У него есть умение и желание смотреть на мир своими глазами, а не через чужую призму».

Благосклонно отозвался об этой книжке также Николай Степано-

вич Гумилёв, который заметил, что: «Неплохое впечатление производит книга Нарбута <...> она ярка. В ней есть технические приёмы, которые увлекают читателя (хотя есть и такие, которые расхолаживают), есть меткие характеристики (хоть есть и фальшивые), есть интимность (иногда и ломаные). Но как не простить срывов при наличности достижений?..»

А в 1912 году Владимир выпустил книгу стихов «Аллилуйя». Вот фрагменты одного из самых характерных для него стихотворений под названием «Лихая тварь», речь в котором идёт о ведьме-оборотне, растленной лесовиком:

Крепко ломит в пояснице,
тычет шилом в правый бок:
лесовик кургузый снится
вёрткой девке – лоб намок...

...Тем временем Дуня убрала посуду;
язык соловьиный (за сколько сестерций
помещицей куплен?) притихнул повсюду.
И, шлёпая пятками, девка в запаске,
арбузную грудь напоказ обтянувшей,
вильнула за будку.
Потом – за коляски,
в конюшню – к Егору, дозор обманувши.
И ляжкам пружистым – чудесно на свитке
паяться и вдруг размыкаться, теряя.
А полдень горячий подобен улитке...

Так что и здесь отчётливо видится, что Нарбут решительно предпочитает пошловатой двусмысленности стихов своих предшественников – грубую откровенность «нового Адама».

Да и сам он в те годы жил, как говорится, взахлёб. Кутил с купеческим размахом. Бывало, бил зеркала в ресторанах. Стригся у самого дорогого парикмахера

...Ох, кабы не зачестила
по грибы да шляться в лес, –
не прилез бы он, постылый,
полузверь и полубес;

не прижал бы, не облапил,
на постель не поволок.
Поцелует – серый пепел
покрывает смуги щёк...

Стихи его в какой-то мере переполнены животной плотскостью и сочностью – хотя, мне кажется, ничуть не безобразной, а просто неприкрытой и перешагнувшей через интеллигентскую стыдливость и не скрывающей тайну интимной близости. Таковым, например, является его стихотворение «Клубника», включённое в тот же сборник «Аллилуйя», в котором воспевается именно тяга к физической близости:

Петербурга. Роскошно одевался. И писал стихи. Николай Гумилёв называл самыми талантливыми поэтами Ахматову и Нарбута...

После революции 1917 года Нарбут в своей Глуховской волости был избран и «последовательно отстаивал в Совете большевистские позиции»; по сути дела – был единственным на первых порах, кто после 25 октября тре-

бовал поддержки и осуществления декретов Советской власти в Глухове. И он был избран в Глуховский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, несмотря на бурно развёрнутую в местной печати кампанию против «большевика и поэта-футуриста».

А в новогоднюю ночь 1918 года семья Нарбута, которая собралась для празднования на усадьбе его первой жены Нины в Хохловке Глуховской волости, подверглась нападению банды «красных партизан», которые громили «помещиков и офицеров». Отец Владимира Ивановича – уже упомянутый выше Иван Яковлевич – шустро успел выскочить в окно и убежать, жена Владимира Нарбута с двухлетним сынишкой Романом быстро спряталась под стол, а остальных буквально растерзали. Был убит брат Владимира Сергей и многие другие обитатели Хохловки. Самого Владимира Ивановича тоже считали убитым. Всех свалили в хлев. И находившийся там тёплый навоз не дал замёрзнуть тяжело раненному Нарбуту. На следующий день его нашли. Жена погрузила его на возок, завалила хламом и свезла в больницу. У него была прострелена кисть левой руки, и на теле имелось несколько штыковых и пулевых ранений. Из-за начавшейся гангрены кисть левой руки ему ампутировали. Так что к хромоте правой ноги у Владимира добавилось ещё отсутствие левой кисти.

Приходя после той ночи в больницу, где лежал в бинтах Нарбут, партизаны интересовались у медсестёр, жив ли он ещё, но Владимиру показалось, что они при этом не столько волнуются о состоянии его здоровья, сколько прикидыва-

ют, где и как им его будет лучше добыть.

Весной 1918 года уже немного окрепшего после ранений во время налёта на него в Хохловке отряда «красных партизан» Владимира отправили в прифронтовой Воронеж для организации большевистской печати. Он работает «сменным редактором» «Известий воронежского губисполкома», председателем губернского «Союза журналистов» с клубом «Железное перо», ведёт воскресную «Литературную неделю». А сверх всего этого он организовал и создал буквально на голом месте «беспартийный» литературно-художественный журнал-двухнедельник «Сирена», который становится первым литературным периодическим изданием в пореволюционной разорённой России, собравшим на своих страницах весь цвет отечественной литературы. Он добывал бумагу и шрифты, ездил в Москву и Петроград, разыскивая там писателей, чьи произведения хотел печатать в «Сирене», встречался с Георгием Ивановым, который видел его в это время с ещё перевязанной рукой и описал в «Петербургских зимах». После этого в журнале «Сирена» были напечатаны стихи Блока, Гумилёва, Ахматовой, Брюсова, Мандельштама (в том числе его статья «Утро акмеизма»), Пастернака, Есенина, Орешина, а также «Декларация» имажинистов, проза Горького, Пильняка, Замятина, Пришелеца, Эренбурга, Ремизова, Шишкова, Чапыгина, Пришвина и других авторов.

В середине 1919 года он живёт в Киеве, куда был отозван «для ведения ответственной работы» и где участвует в издании журналов «Солнце труда», «Крас-

ный офицер» и «Зори». Его брат Георгий руководил в это время в Киеве Украинской Академией Художеств. Очевидно, под его влиянием Владимир Нарбут начинает склоняться к украинофильству и задумывает второе издание уже выходящей в Санкт-Петербурге книги «Аллилуйя», только уже на украинском и русском языках с иллюстрациями брата.

31 сентября того же 1919 года белогвардейцы захватывают Киев. Красная Армия уходит из него, а вместе с ней его покидают все большевики и те сторонники советской власти, которые не ставили своей целью остаться для работы в подполье. И только Владимир почему-то продолжает находиться в растерянности, медля с принятием какого-либо ясного решения. Скорее всего, это произошло из-за смерти его отца – Ивана Яковлевича, умершего примерно в эти же дни, и это вынудило Владимира заниматься его похоронами. Из-за этого он промедлил тот момент, когда можно было спокойно уйти вместе с красными частями из Киева, но и оставаться в городе с беляками у него особенного желания тоже не было. Лучшим вариантом ему показалось прорваться туда, где не было ни красных, ни белых, ни зелёных, ни черносотенцев, вообще никого, как это было в то время, по слухам, в Тифлисе, а «там – успокоиться, прийти хоть немного в себя».

Оставив Киев, он направился в сторону Кавказа, но 8 октября, оказавшись в занятом деникинскими войсками Ростове-на-Дону, Владимир был арестован там контрразведкой Добровольческой армии как «большевицкий редактор, поэт и журналист» да ещё и член Воронежского «Губисполкома».

Первый допрос Нарбута в белогвардейской контрразведке начался уже 9 октября 1919 года, и в этот же день он начал писать свои спасительные «признания», уверяя следствие, что: «Я всей душой, всем своим существованием ненавидел большевиков, оторвавших у меня всё, лишивших меня всего, всего дорогого, не говоря о калечестве...»

Своих товарищей по партии Нарбут характеризовал с необычайной, предельно взвинченной эмоциональностью, так, что даже не верится, что это писал не кто-то другой, а он собственноручно: «Ненависть к ним возросла у меня ещё больше, и я с лихорадочным вниманием прислушивался ко всему тому, что говорилось о походе против большевиков. Я уже знал, уже точил нож мести против тех убийц (я поклялся перед трупом брата убить их, я их знаю!), которые напали тогда ночью... но судьба опять толкнула меня в лапы поработителей...»

В конце своего объяснения он уже чуть ли не захлёбывается написанным им в высшем возбуждении монологом: «Я приветствую вас, освободители от большевистского ига!! Идите, идите к Москве, идите, пусть и моё мерзкое, прогнившее сердце будет с вами... только не отталкивайте меня зря!.. О, как я буду рад, если мне будет дано право участвовать в деле обновления России. А может, возможно и моё возрождение? Не знаю, но всё то, что я написал, правда – от первой до последней строки. Это – моя исповедь...»

Эти чудовищные «исповеди» ровно на три месяца отодвинули грозивший тогда Владимиру расстрел – арестованный 8 октября 1919 года, он был освобождён из

белогвардейской контрразведки конницей Будённого только 8 января 1920 года. И сразу же окунулся в литературную деятельность на Украине.

Уже вскоре после освобождения Нарбута из контрразведки у него вышла новая поэтическая книга «Плоть. Быто-эпос», составленная из стихов 1913-1914 годов. «Его поэзия, – отмечает Катаев, – в основном была грубо материальной, вещественной, нарочито корявой, немзыкальной, временами даже косноязычной... Но зато его картины были написаны не чахлой акварелью, а густым рембрандтовским маслом. Колченогий брал самый грубый, антипоэтический материал, причём вовсе не старался его опозитизировать. Наоборот. Он его ещё более огрублял...»

С 14 апреля 1920 по 14 апреля 1921 года Владимир Нарбут ровно год прожил в Одессе, а в 1921 году выпустил очередной свой сборник «Земля советская», в который вошли его стихи минувшего одесского периода, о котором в прессе было сказано, что: «В старые формы акмеизма, в которых застыли многие наши поэты, Вл. Нарбут сумел влить живое содержание, искренность чувств и неподдельный революционный энтузиазм».

В 1922 году он женился на бывшей жене писателя Юрия Олеши, которую он у него отбил – Серафиме Густавовне Суок, самой красивой из трёх сестёр, впоследствии выведенной Олешей в образе куклы в его романе-сказке «Три Толстяка».

Обосновавшись в российской столице, Владимир работал в «Наркомпросе»; основал и возглавил издательство «Земля и Фабрика» («ЗиФ»), на его базе в 1925 году совместно с издателем

В.А. Рeginиным основан ежемесячник «Тридцать дней» – тот самый, где впервые, с опережением всех мыслимых издательских сроков, увидел свет знаменитый роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова «12 стульев».

Но в 1922 году он ещё не знает своей судьбы и обживает в Москве, в аппарате отдела печати ЦК ВКП(б). В 1924-1927 годах он был уже заместителем заведующего Отделом печати при ЦК ВКП(б), а в 1927-1928-м – стал одним из руководителей ВАПП (Всероссийской ассоциации пролетарских писателей).

В том же 1922 году им было переписано потрясающее стихотворение «Самоубийца», завершающееся строчками:

И ты, ты думаешь,
по нём вздыхая,
что я приставлю дуло (я!)
к виску?
...О, безвозвратная! О, дорогая!
Часы спешат, диктуя жизнь:
«ку-ку»,
а пальцы, корчась,
тянутся к курку...

Вспоминая в своих мемуарах это нарбутовское стихотворение, Валентин Катаев после обширной цитаты из него заключает: «Нам казалось, что ангел смерти в этот миг пролетел над его наголо обритой головой с шишкой над дворянской бородавкой на его длинной щеке... Нет, колченогий был исчадием ада».

В том же самом 1922 году в Харькове вышла в свет поэтическая книга Владимира Нарбута «Александра Павловна», ставшая его последней прижизненной книгой, и стихи в ней оказались гораздо гармоничнее прежних.

А в 1924 году литературный критик и бессменный редактор журнала «Новая Россия» Исая Григорьевич Лежнёв написал в своей статье: «И трижды прав Вл. Нарбут, несомненно один из интереснейших поэтов нашего времени, что, посвятив себя политической работе, он отсёк художественную, — и стихов сейчас не пишет “принципиально”. Работа его в Ц.К.Р.К.П. совершенно отчётлива, ясна, прямолинейна, рациональна до конца. Поэтическое же творчество по самой природе своей иррационально, и “совместительство” было бы вредно для обоих призваний. Здесь у Нарбута — не только честность с самим собой, которой в наше время не хватает многим и многим; здесь ещё и здоровый эстетический инстинкт художника, которого лишены наши бесталанные соискатели этого блистательного звания».

Друзья-поэты — такие, как Асеев, Зенкевич и Ахматова, — посвящали Владимиру Нарбуту свои стихи. Прозаик Юрий Карлович Олеша вывел его в своём романе «Зависть» в образе директора огромной колбасной фабрики. Валентин Петрович Катаев изобразил его в своём рассказе «Бездельник Эдуард», опубликовав этот рассказ ещё при жизни Нарбута и написав в нём: «заведующий “Югрой”, демонический акмеист и гроза машинисток». А Михаил Булгаков срисовал с него образ Воланда для своего знаменитого мистического романа «Мастер и Маргарита».

В 1926 году Нарбут написал критическую статью «Летописец гражданской войны. Д.А. Фурманов», которая показывала внутреннюю борьбу самого автора в категориях «лирика» — «эпос».

В статье он дал ключевые формулы собственного понимания эпоса. «Эпос, — пишет он, — и есть то главное, что составляет сердцевину всех литературных вещей Дм. Фурманова. И стоит Фурманову ступить чуть в сторону, отойти от эпического, попытаться стать «художником», как он начинает безнадежно спотыкаться...» Из этого видно, что литературная критика Нарбута весьма богата и разнообразна.

Но Нарбут интересен ещё и как издатель, поскольку практически всю жизнь он занимался руководством издательских процессов, выпуская в свет множество книг, газет и журналов. В книге «Максим Горький и советская печать», которая вышла в 1964 г. в серии «Архив Горького», целый раздел отведён его переписке с Нарбутом. Опубликованное в этом разделе письмо Нарбута Горькому от 7 августа 1925 года и ответ Горького из Сорренто от 17 августа 1925 года в полной мере раскрывают масштаб личности Нарбута-издателя, наглядно иллюстрируя эпистолярную формулу Серафимовича о нём как о «собирателе литературы земли Союзной», а также воспоминания работника отдела печати ЦК ВКП(б) А. Аршаруни о Нарбуте как о руководителе «принципиальном и сведущем в делах не только поэзии, но и литературы вообще».

В начале 1930-х годов Нарбут возвращается к поэтическому творчеству, публикуя стихи в «Новом мире» и «Красной нови», связанные с так называемой научной поэзией. Нарбут намеревался собрать их в сборнике «Спираль», но сборник так и не был издан.

Идейные споры о новом понимании искусства и возникающие

в результате этого писательские конфронтации против собственной воли втягивают Нарбута в круг околολитературных интриг и баталлий. Поглощённый партийной и литературно-организаторской деятельностью, он неожиданно попадает в течение сложного и неоднозначного социально-политического процесса, что приводит его к падению с высоты административной системы: неожиданно появляются свидетельства о том, что в деникинской контрразведке Нарбут письменно отрёкся от своей большевистской деятельности.

Инициатором этого его «разоблачения» является его идейный оппонент Александр Константинович Воронский.

В результате разгоревшегося конфликта в 1927 году Нарбут обращается в ЦКК ВКП(б) с требованием «оградить его от распространяемых т. Воронским порочащих его сведений о прежней его литературной деятельности (он сотрудничал в «Новом времени» и в бульварных изданиях, печатал порнографические произведения, что вообще является некоммунистическим элементом)».

Но ЦК, всё тщательно взвесив, решил, что его вина больше, нежели вина Воронского, и исключил своего работника из партии с формулировкой «за сокрытие ряда обстоятельств, связанных с его пребыванием на юге во время белогвардейской оккупации».

Узнав, что Владимир Иванович подал в ЦКК ВКП(б) бумагу с просьбой оградить его от нападок Воронского, в начале 1928 года Александр Константинович привлёк к партлитдискуссии обнаруженные им компрометирующие Нарбута документы о его неблагоприятном поведении в деникинских

застенках Ростова. Тем самым судьба Нарбута была решена – в том же году он был исключён из партии и лишён всех постов. (А по сути – этим ему был вынесен смертный приговор, но только с отсрочкой исполнения.)

Таким образом, ходатайство самого Нарбута, поначалу частично удовлетворённое, впоследствии обернулось тем, что 21 сентября 1928 года его исключили из рядов ВКП(б) и с клеймом предателя прикрепили к Нарбуту ярлык «порнографического» поэта.

В результате 3 октября 1928 г. в «Красной газете» появилось такое сообщение: «Ввиду того, что Нарбут В.И. скрыл от партии, как в 1919 г., когда он был освобождён из ростовской тюрьмы и вступил в организацию, так и после, когда дело его разбиралось в ЦКК, свои показания деникинской контрразведке, опорочивающие партию и недостойные члена партии, – исключить его из рядов ВКП(б)».

Но в этом споре не оказалось победителей. Погибли оба.

Воронский был арестован 1 февраля 1937 года. Обвинённый в создании подрывной террористической группы, готовившей покушения на руководителей партии и правительства, 13 августа 1937 года он был приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и вскоре же расстрелян. В лагерях оказались также его жена и дочь.

В ночь с 26 на 27 октября 1936 года по обвинению в пропаганде «украинского буржуазного национализма» Владимира Нарбута арестовали, а 23 июля 1937 года постановлением Особого совещания при НКВД СССР он был осуждён на пять лет лишения свободы по статьям 58-10

и 58-11 УК РСФСР. Он обвинялся в том, что входил в группу «украинских националистов – литературных работников», которая занималась антисоветской агитацией. Осенью он был этапирован в пересыльный лагерь под Владивостоком, а в ноябре – транспортирован в Магадан.

В конце февраля – начале марта 1938 года Владимир вместе с такими же, как он сам, инвалидами был активирован медицинской комиссией и этапирован в Магадан, в карантинно-пересыльный пункт № 2. Здесь против него 2 апреля 1938 года, во время кампании массового террора в колымских лагерях (декабрь 1937 – сентябрь 1938 года), вошедшего в историю под названием «гаранинщина», было возбуждено новое уголовное преследование по обвинению в кон-

треволюционном саботаже. Не оправдались ни надежды Нарбута отличиться на трудовом поприще, ни – хотя бы! – попасть в инвалидный лагерь. Судьба уготовила Нарбуту гораздо более трагическую стезю.

7 апреля 1938 года дело девяти саботажников со 2-го карантинно-пересыльного пункта, увенчанное обвинительным заключением, было представлено на рассмотрение Тройки УНКВД по «Дальстрою». Самым лаконичным решением в ходе исполнения ежовского приказа № 00447 в магаданском лагере «Дальстрой» могло быть только одно-единственное слово – расстрел. И оно прозвучало. А 14 апреля 1938 года в день своего пятидесятилетия Владимир Иванович Нарбут был расстрелян.